

Н. В. Пивоварова

ЦАРСКИЕ ВРАТА ИЗ ПОСАДА УНА. К УТОЧНЕНИЮ ВОПРОСА О ВРЕМЕНИ И МЕСТЕ СОЗДАНИЯ ПАМЯТНИКА¹

Царские врата из посада Уна Архангельской губернии (рис. 1) — одни из немногих врат в собрании Русского музея², происхождение и источник поступления которых в музей четко документированы. В «Обозрении Отделения христианских древностей» — первом печатном путеводителе по музею императора Александра III — о них

Рис. 1. Царские врата из посада Уна. Середина XVII в. ГРМ

говорится: «На северной стороне зала (XVIII. — *Н. П.*) обращают на себя внимание Царские двери из Архангельской губ., посада Уна, Онежского уезда (дар архитектора В. В. Сулова); они по своей работе отличаются от Новгородских тем, что работаны из

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-04-00278а «Древнерусское резное дерево в собрании Русского музея — предметы, центры, мастера».

² ГРМ. Инв. № ДРД-437. Дерево; резьба, позолота, живопись яичными красками. Врата: 167,0×92,0×14,0; сень: 152,5×162,0×25,0; столбики: 148,0×41,0×38,0.

© Н. В. Пивоварова, 2012

цельного липового дерева, орнамент очень маленький и изящный, в довольно хорошей сохранности, вероятно, XVII века, весьма оригинальные руки поддерживают часть карниза» [1, с. 76; 2, с. 86]. И далее: «Все предметы христианского собрания получены из Академии Художеств и были собраны покойным Вице-президентом кн. Г. Г. Гагаринным; многие пожалованы Государем Императором Александром II и Императрицею Мариею Александровною при особом ходатайстве Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича и происходят из собраний Коробанова, М. П. Погодина, Севастьянова и других» [1, с. 84–85]. Из приведенных цитат следует, что врата поступили в Русский музей из Академии художеств, куда, в свою очередь, были переданы академиком архитектуры В. В. Суловым, а происходят из церкви посада Уна. В последние годы в связи с организацией многочисленных выставок в Русском музее врата привлекли к себе внимание как превосходный по сохранности экспонат древнерусского прикладного искусства и удостоились публикации в нескольких выставочных каталогах [3–8] и специальных статьях [9, 10].

Однако, несмотря на столь значительный, казалось бы, интерес к вратам, вопросы об их датировке и месте изготовления практически не рассматривались. Затрагивались проблемы типологии врат, которая однозначно признавалась «ярославской»³, и связи их конструкции с литургическим действием [9, с. 104–105]. Вопрос о месте создания врат решался как бы сам собой: врата были привезены из Архангельской губернии, значит, там они и были изготовлены. В качестве дополнительного аргумента в пользу такого заключения приводился и состав преподобных на столбиках, которые были атрибутированы как Тарасий Глушицкий, Павел Обнорский, Корнилий Комельский и Кирилл Белозерский [8].

Однако обнаружение врат, хранившихся в разобранном виде в подцерковье Климентовской церкви посада Уна⁴, вовсе не означает, что они были изготовлены именно для этой церкви — как раз наоборот, обстоятельства их находки позволяют высказать предположение, что врата оказались здесь случайно, в сравнительно позднее время. Внушительные по размерам, исполненные в виде монументального портала, врата явно создавались для крупного каменного собора, а вовсе не для деревянной провинциальной церкви, каковой являлась посадская унская церковь. Для какого же храма в таком случае они могли предназначаться?

Архитектор В. В. Сулов, совершивший в 1886 г. поездку по Архангельской губернии, обнаружил в интерьерах, на чердаках и в подцерковьях обследованных им храмов значительные запасы ветхих предметов церковного обихода. Посещение села Заостровье, Ненокстского и Унского посадов, сел Кушерецкого, Малошуйского и Шуи и Успенского собора в г. Кеми привели его к неутешительному выводу: «Из всего виденного мною, в отношении памятников древнерусского искусства, к сожалению, нужно сказать, что печальная пора полного и бесследного уничтожения дорогих для науки остатков народного творчества настала с полным размахом по всему Северу. Прекрасные вещи, отысканные мною на чердаках, в кладовых и под церквями доживают свой исто-

³ Речь шла в первую очередь о конструкции врат, оформленных в виде пышных порталов, которая, наряду с традиционными деталями: створки, сень, столбцы и т. д., — включала тонкие резные колонки, завершавшиеся резными кистями рук. Последний из названных элементов конструкции был характерен для врат, происходящих из храмов Верхнего Поволжья: Костромы (церковь Воскресения на Дебре) и Ярославля (церковь св. Иоанна Предтечи в Толчкове) [9, с. 103–104].

⁴ Обстоятельства, при которых были найдены врата, описаны в статье М. В. Федосеевой [9].

рический век»⁵. Стремлением сохранить эти памятники древности для потомков объяснялось обращение В. В. Сулова к епископу Архангельскому и Холмогорскому Нафанаилу с предложением основать музей церковных древностей в Архангельске или передать часть из найденного в Музей Императорской Академии художеств. В реестре запрошенных для Академии по инициативе В. В. Сулова предметов⁶ фигурировали двое Царских врат: одни из Заостровского прихода близ Архангельска⁷, другие из Унского прихода Архангельского уезда⁸. 20 мая 1889 г. архангельские древности были отправлены в Синод и 2 августа того же года приняты по описи помощником хранителя академических музеев А. В. Прохоровым⁹. Среди прочего в описи значились и Царские врата. Одни из них, несомненно, были вывезены из Климентовской церкви посада Уна; происхождение других из Заостровского прихода нуждается в дополнительном подтверждении¹⁰.

Первое, что обращает на себя внимание при рассмотрении всего комплекта «унских» Царских дверей, — их отличие от эталонных «архангельских» врат, хранящихся ныне в собрании Архангельского областного музея изобразительных искусств [11, с. 141–142, 144, 146, кат. 42–44, 49, 60–61]. «Унские» врата цельнее по общей композиции, строже по решению, «классичнее» по пропорциям, изысканнее по исполнению. Архангельские врата XVI в. (рис. 2), состоящие из створ, столбцов и сеней, перегружены накладными резными деталями, живописными композициями в киотцах-хра-

⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 10 (1878). Д. 142 (Сулов Владимир Васильевич. 1878–24.10.1918). Л. 104 об.

⁶ См. рескрипт президента Академии художеств, вел. кн. Владимира Александровича на имя архиепископа Нафанаила от 20 марта 1887 за № 156.

⁷ «Царские врата, украшенные резными золочеными по левкасу орнаментами (верей, полукружие над дверями, коруна)». См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 58 (I отд., 1 ст.). Д. 98 (О представлении в дар ИАХ для помещения в древнехристианский музей церковных предметов XVI и XVII столетий, розысканных в кладовых некоторых церквей Архангельской епархии. 18.11.1888–10.08.1889). Л. 3.

⁸ «Полный комплект резных царских дверей: столбики (верей), колонки, самые двери, тело, коруна и две арочки». См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 58 (I отд., 1 ст.). Д. 98. Л. 3 об.

⁹ Там же. Л. 9–9 об.

¹⁰ Согласно документам, обнаруженным в Государственном архиве Архангельской области М. В. Федосеевой (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 29), 2 февраля 1889 г., в ответ на предписание Архангельской Духовной консистории от 12 января того же года, двое Царских врат из Унского храма были доставлены церковным старостой секретарю епископа Архангельского «для отсылки в Санкт-Петербургское археологическое общество древности» [9, с. 101–102]. Состав комплекта одних из этих врат, в который входили «две колонки с человеческими руками», указывает, что речь идет о рассматриваемом в настоящей статье памятнике. Описание второго комплекта врат сделано слишком обобщенно, чтобы представить их облик: «другого калибра царские двери с принадлежностями». Согласно данным, приводимым Т. М. Кольцовой на основе другого архивного дела (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Ед. хр. 884. Л. 106, 181), в Музей христианских древностей Академии художеств наряду с «унскими» вратами, скорее всего, поступили врата из Заостровского прихода [11, с. 141–142]. Перечень деталей этих вторых («заостровских») врат, приведенный в описи содержимого ящиков, присланных в ИАХ (РГИА. Ф. 797. Оп. 58 (I отд., 1 ст.). Д. 98. Л. 10), позволяет предположительно отождествить с ними «беспаспортные» Царские врата из собрания ГРМ (инв. № ДРД-434). В архивном деле названы следующие детали: «резные царские врата с позолотой и при них 6 икон», колонки, «арка над царскими вратами, резная и с резною же верхушкою» (опись содержимого малого ящика, № 1–3); «резная с позолотою верхушка с написанными на ней серафимами (курсив наш. — Н. П.)» (опись содержимого большого ящика, № 3). Связь данных врат с Архангельским регионом подтверждают мотивы их резьбы, родственные произведениям из собрания Архангельского музея (Царские врата конца XVII — начала XVIII в. из церкви св. Флора и Лавра в с. Литвиново Шенкурского района — АОМИИ, инв. № 151-ДРС; из с. Ямская Гора того же района — АОМИИ, инв. № 36-ДРС, 40-ДРС; XVIII в. из Троицкой церкви в с. Черевково Красноборского района — Красноборский историко-мемориальный и художественный музей, инв. № ВХ 190, 191 и др.) [11, с. 146, кат. 60; с. 149, кат. 74].

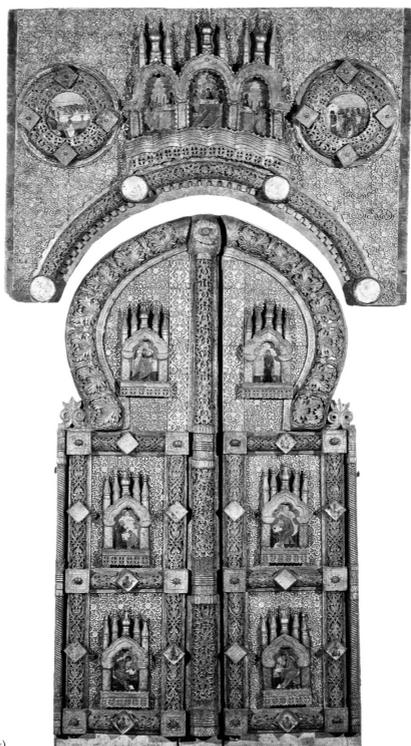

Рис. 2. Царские врата с сенью из Дмитриевской церкви на Курострове. XVI в. АОММИИ

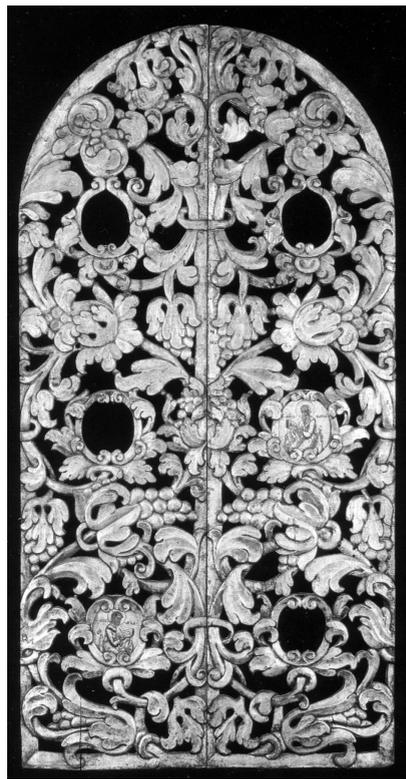

Рис. 3. Царские врата из церкви св. Флора и Лавра села Литвиново. Конец XVII — начало XVIII в. АОММИИ

миках и отдельными изображениями святых, занимающими не только поверхности створ и сеней, но и их декоративные обрамления. В XVII в. декоративность еще более возрастает, но на этот раз уже в ущерб живописи (рис. 3). Архангельские врата XVII в. изготавливаются прорезными и вследствие этого становятся еще более дробными. Растворяясь в узорочье, живопись теряет свое былое значение и оказывается в полном подчинении резьбе. На «унских» вратах резьба и живопись равноправны. Резные киотцы служат органичным дополнением живописи, выявляя не только ее красоту, но и символическое значение.

Изображение трапезы Трех Ангелов как Ветхозаветного прообраза Евхаристии выделено более крупным киотцем-храмиком, увенчанным пятью главками, и помещено строго по центру сени врат над завершением килевидного портала. Две части композиции «Евхаристия» — причащение апостолов под двумя видами — заключены в киотцы меньшего размера и слегка опущены, подчеркивая гибкую круглящуюся линию завершения. Шесть равновеликих киотцев на створах врат обрамляют традиционные изображения Благовещения и четырех евангелистов. Их трехглавым завершением вторят трехлопастные арочки, смыкающиеся над фигурами святых на столбцах, и тонкие изящные луковичные главки, причудливо вырастающие над каждой из трех лопастей. В подобном решении нельзя не заметить последовательной «экклесиологи-

Рис. 4. Преподобные Димитрий Прилуцкий, Павел Обнорский, архидиакон Стефан. Царские врата из посада Уна. Середина XVII в. ГРМ

зации» программы врат, возможно, достигающей в случае «унских» Царских дверей своего апогея.

О том, что «унские» алтарные двери стоят особняком в искусстве Архангельского Севера, свидетельствует и состав изображений, представленных на их столбцах. Перед нами один из немногих примеров врат, столбцы которых, наряду с традиционными изображениями святителей и диаконов, включают и образы преподобных (рис. 4). Неоднократные сборки и разборки врат нарушили оригинальный порядок расположения фигур, однако их прекрасная сохранность и сопроводительные надписи позволяют, как кажется, реконструировать первоначальное местоположение каждого из святых. На левом и правом столбцах (парами) представлены 18 фигур¹¹: шесть архидиаконов и диаконов (Стефан, Лаврентий и Кирилл; Прохор (?), Филипп и Авив (?)¹²); шесть святителей (Иоанн Златоуст, Василий Великий и Афанасий Александрийский; Григорий Богослов, Никола Чудотворец и Кирилл Александрийский); шесть преподобных (Димитрий Прилуцкий, Корнилий Комельский, Павел Обнорский; Алексей человек Божий, Мария Египетская и Сергей (?) Обнорский¹³).

¹¹ Святые перечисляются по чинам святости в той последовательности, в которой они, по нашему мнению, размещались на столбцах изначально. Первыми названы изображения, располагавшиеся ближе всего к створам врат, затем на заворотах каждого из столбцов (перечень фигур дается сверху вниз, сначала на левом, потом на правом столбце).

¹² М. В. Федосеевой архидиакон Прохор идентифицирован как Ермил [8].

¹³ М. В. Федосеевой преподобный Димитрий Прилуцкий произвольно отождествлен с Тарасием Глушицким, традиция изображения которого в раннее время не прослеживается; Сергей (?) Обнорский атрибутирован как Кирилл Белозерский, что также не подтверждается иконографически. Наконец, Алексей человек Божий определен как Иоанн Предтеча, несмотря на характерные облик, позу и сохранившиеся фрагменты сопроводительной надписи [8].

Рис. 5. Святой Алексей человек Божий. Царские врата из посада Уна. Середина XVII в. ГРМ

Рис. 6. Преподобная Мария Египетская. Царские врата из посада Уна. Середина XVII в. ГРМ

Как видим, состав преподобных, за исключением святых Алексея человека Божия и Марии Египетской, характерен скорее для Вологодского, чем для Архангельского региона. Появление на вратах последней пары святых весьма симптоматично и указывает на их патрональный характер (рис. 5, 6). Хорошо известно, что Алексей человек Божий и Мария Египетская являлись святыми соименниками царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны Милославской. Их парные изображения неоднократно встречаются на иконах, выполненных в царских мастерских¹⁴ на протяжении 1648–1669 годов¹⁵. Таким образом, достаточно точно определяется временной интервал, в который вписывается создание «унских» врат. Однако, как представляется, датировка их может быть еще более конкретизирована. Обратимся для этого к анализу других изображений святых.

¹⁴ См., например, икону святых Алексея человека Божия и Марии Египетской, написанную в 1648 г. царским изографом Яковом Казанцем (ГММК, инв. № Ж-166) [12, с. 146–147, кат. 58].

¹⁵ Царь Алексей Михайлович состоял в браке с М. И. Милославской с 16 января 1648 г. 4 марта 1669 г. царица скончалась.

Среди русских преподобных, представленных на столбцах, особо выделен святой Димитрий Прилуцкий. Единственный из всех святых он изображен с развернутым свитком, в который вписан текст наставления братии: «Не скор||бите|| [у] бо бра||тие || паче || сему ра||зумет || аще». В настоящее время образ Димитрия занимает почетное (как думается, первоначальное) место в верхнем ряду на левом от предстоящего перед вратами и на правом относительно выходящего из алтаря столбце, симметрично образу святого Алексия человека Божия. Данное обстоятельство позволяет предположить, что врата создавались для монастыря, в котором особо почитался преподобный Димитрий Прилуцкий.

К числу таких монастырей в первую очередь относится Спасо-Прилуцкий монастырь, основанный преподобным Димитрием между 1378 и 1382 годами недалеко от города Вологды, в излучине одноименной реки, от которой он и получил название Прилуцкого [13, 14]. Главный храм монастыря, отстроенный в камне в 1537–1542 годах, был освящен во имя Всемиловитого Спаса, Происхождения Честных Древ Креста Господня. В Смутное время он, как и весь монастырь, подвергся разорению от польско-литовских интервентов (октябрь 1612 г.), а в 1613–1614 годах был разграблен отрядами сибирского царевича Араслана Алеевича с татарами и казаками [14, с. 713]. Именно данным обстоятельством объяснялись интенсивные строительные работы в монастыре, предпринятые в последние годы царствования Михаила Федоровича и продолженные при царе Алексее Михайловиче. К 1656 г. было завершено строительство комплекса оборонительных сооружений вокруг монастыря; происходили переделки в Спасском храме, строились и освящались новые церкви. В связи с рассматриваемой темой особого внимания заслуживают следующие факты: 9 октября 1642 г. в подклете Спасского собора была освящена церковь во имя преподобного Димитрия Прилуцкого, сменившая одноименный малый придел, прежде устроенный в южной апсиде главного храма, а между 1644 и 1656 годами рядом с каменной «под колоколы» церковью во имя Трех Святителей Вселенских была возведена вторая колокольня с подклетом — церковью святого Алексия человека Божия [14, с. 715]. Вероятно, в комплексе с этими работами можно рассматривать и создание Царских врат, в убранство столбцов которых были введены святые, с чьими именами связано посвящение отдельных церквей или престолов при главном монастырском храме. Итак, именно для Спасского собора Прилуцкого монастыря и были, по нашему мнению, исполнены «унские» Царские врата. Хронология интенсивных строительных работ в монастыре позволяет, как кажется, ограничить время их создания периодом между 1648 и 1656 годами. Безусловно, врата были изготовлены по заказу царя Алексея Михайловича в московских царских мастерских, о чем свидетельствуют и появление на правом столбце изображений патронов царской четы, и стиль живописи сюжетных композиций и фигур в киотцах, разительно отличающийся от продукции северных иконописных мастерских. Стилистические параллели живописи врат можно обнаружить в произведениях царских мастеров середины XVII в.: на уже упомянутом образе святых Алексия человека Божия и Марии Египетской мастера Якова Казанца (рис. 7), на иконе с изображением св. Феодора Стратилата, написанной в меру новорожденного царевича Дмитрия Алексеевича (1648 г.) [12, с. 148–149, кат. 59] и на других памятниках. Черты сходства обнаруживаются в приемах личного письма, исполненного по коричневому санкирю плотным вохрением с резко положенными светлыми на выступающих частях, придающими объемность и почти реальную осязаемость ликам; в использовании цветных лаков в разделках одежд.

Рис. 7. Яков Казанец, Икона святых Алексия человека Божия и Марии Египетской. 1648 г. Царские мастерские. ГММК

В литературе указывалось на типологическую близость «унских» Царских дверей к так называемым «ярославским» вратам, изготовленным для церквей св. Иоанна Предтечи в Толчкове в Ярославле и Воскресения на Дебре в Костроме (рис. 8) [9, с. 103–104]. Отметим, что в данном случае сходство «ярославских» врат с «унскими» не про-

Рис. 8. Царские врата из церкви св. Иоанна Предтечи в Толчкове. Ярославль

Рис. 9. Богоматерь из Благовещения. Царские врата из посада Уна. Середина XVII в. ГРМ

стирается далее близости общей композиции — использования в конструкции врат мотива мощного портала, увенчанного сенью и фланкированного парой выточенных в виде колонок рук. Отмеченное типологическое сходство не дает решительно ничего для прояснения вопроса о месте изготовления изучаемого памятника, поскольку резьба ярославских и костромских Царских дверей представляет собой совершенно особое явление в художественной культуре XVII века. Резьба створ, сени и коруны «унских» врат — плоская, нескольких рисунков (рис. 9). Она, как было отмечено выше, не мешает восприятию живописи, а, напротив, создает для миниатюрных икон своеобразную изысканную оправу. И сам этот принцип, и низкий рельеф резьбы, и, главное, чередование нескольких орнаментальных мотивов указывают на непосредственный источник, вдохновлявший резчиков по дереву, — сборные чеканные оклады, покрывавшие большие плоскости икон. И именно на окладах мастеров Оружейной палаты второй четверти — середины XVII века можно обнаружить схожие с «унскими» вратами орнаментальные мотивы. Не задаваясь целью привести все аналогии рисункам орнаментов «унских» врат, укажем лишь на отдельные родственные мотивы: мотив вьющегося побега с трилистником в центре завитка встречается, например, на окладе полей иконы «Святой Иоанн Белогородский» 1633 г. из Архангельского собора Московского Кремля [12, с. 124–125, кат. 47]; сердцеобразный мотив с «усиками» характерен для орнаментации фона чеканной раки преподобного Александра Свирского (Оружейная палата, мастер Гаврила Евдокимов, 1644) [15] и др. Таким образом, не только живопись, но и резьба Царских врат указывают на московское происхождение памятника.

В заключение попытаемся решить вопрос о возможных предпосылках и реальных основаниях для «миграции» врат в Архангельскую епархию. Известно, что в Спасо-Прилуцком монастыре неоднократно происходили перестройки и переделки церковных интерьеров. Конечно, сам по себе этот факт еще ни о чем не говорит, гораздо важнее другое обстоятельство. Как явствует из письменных источников, монастырь св. Димитрия Прилуцкого вместе с Унским посадом издавна составлял единую «промышленную зону», связанную с торговлей солью. Известно, что некоторые из прилуцких монахов не проживали постоянно в монастыре, а селились в монастырских селах и на соляных промыслах. По грамоте царя Ивана Грозного 1573–1574 года Прилуцкий монастырь получил право на беспошлинную торговлю солью в Москве, Вологде, Коломне и других городах. Именно торговля солью составляла самую значительную часть монастырского дохода. Уже в XVI веке монастырь приобрел варницы в Тотме, Соли Вычегодской и на реке Уне. Поэтому не будет натяжкой предположить, что торговые операции между монастырем и посадами могли сопровождаться и продажей или безвозмездной передачей в расчет за оказанные услуги некоторых из монастырских древностей.

Литература

1. Обзорение Отделения христианских древностей в музее Императора Александра III (Краткое описание зал XVIII–XXI). СПб.: В. С. Балашев и К^о, 1898. 85 с.
2. Обзорение Отделения христианских древностей в музее Императора Александра III (Краткое описание зал XVIII–XXI, с приложением одной фототипической таблицы). СПб.: В. С. Балашев и К^о, 1902. 147 с.
3. «Пречистому образу Твоему поклоняемся...» Образ Богородицы в произведениях из собрания Русского музея. СПб.: Palace Edition, 1995.
4. Mille anni di cristianesimo nell'arte russa. Icone dall'XI al XX secolo. Aosta: Palace Edition, 1997.
5. Arte e Sacro Mistero. Tesori dal Museo Russo di San Pietroburgo a cura di C. Pirovano. Milano: Electa, 2000.
6. Anos de Arte Russa — 500 Years of Russian Art. Formia (Latina): Palace Edition, 2002.
7. «Россия» в Нью-Йорке и Бильбао. Альманах. Вып. 139. СПб.: Palace Edition, 2006.
8. Святыне Земли Русской. СПб.: Palace Edition, 2010. CD.
9. Федосеева М. В. Памятники древнерусского прикладного искусства, вывезенные академиком В. В. Суловым из Архангельской губернии // СПб. Фонд культуры. Программа «Храм». Сб. материалов (ноябрь 1993 — июнь 1994). СПб., 1994. Вып. 6. С. 98–108.
10. Федосеева М. В. Собрание предметов декоративно-прикладного искусства, вывезенных В. В. Суловым из Архангельской и Вологодской губерний в 1880-е гг. // Актуальные проблемы древнерусского шитья. Сб. статей к 75-летию Л. Д. Лихачевой (в печати).
11. Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера / авт.-сост. Т. М. Кольцова. Архангельск; М., 1995. 207 с.
12. Иконописцы царя Михаила Романова. М.: ИПЦ «Художник и книга», 2007. 179 с.
13. Савваитов П. И., Суворовы Н. И. и И. Н. Описание вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Вологда, 1914.
14. Димитриев Прилуцкий в честь Всемилостивого Спаса, Происхождения Честных Древ Креста Господня мужской монастырь // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2006. Т. XIV. Даниил — Димитрий. С. 712–719.
15. Плешанова И. И., Лихачева Л. Д. Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л.: Искусство, 1985.

Статья поступила в редакцию 17 мая 2012 г.